

Е. ГОЛУБИНСКИЙ

О реформе в быте русской церкви

Если бы церковь имела нужду в каких-либо реформах и улучшениях ее быта, которых не в состоянии произвести *Св. Синод** и которые мог бы произвести только патриарх, то, конечно, должно было бы желать и восстановления патриаршества, потому что тогда этого восстановления требовало бы благо церкви. Но таких реформ и улучшений быта церкви в числе желаемых и ожидаемых между теми и другими вовсе нет; а, следовательно — и благо церкви не требует восстановления патриаршества.

Между тем это, нисколько не нужное для блага церкви, восстановление патриаршества, по особым условиям новейшего времени, так сказать — вовсе не патриаршеского, оказалось бы нежелательным и вредным для нее в отношении к ее престижу и авторитету.

Народ по своим представлениям о патриархе, которые были бы те же, что до *Петра**, и о которых говорит *Регламент**, стал бы искать и требовать от него, чтобы он окружил себя возможным внешним блеском и великолепием, чтобы он был, как говорили в XVII веке, «что твой папа в Риме». Но если народ и в настоящее время остается тем же, чем был до Петра, то интеллигенция теперь уже вовсе не та, что до Петра: не разделяя народных представлений о патриархе, она стала бы издеваться над ним за его блеск и великолепие, как над своего рода *далай-ламой**. Тем, которые скажут, что это — смешные пустяки, мы ответим, что при ожидаемой свободе печати, с которою получит свободу и бульварное зубоскальство, эти пустяки могли бы причинить вовсе не пустячные соблазны и вред.

Что касается до самого церковного управления, то упразднение Св. Синода и восстановление патриаршества было бы или тем, что называется «из кулька в рожжку», или же только напрасной переменой имени.

Одни из подающих голос за восстановление патриаршества хотят, чтобы патриарх был единоличным правителем и только имел при себе собор епископов с голосами совещательными. Но это было бы именно «из кулька в рогожку» или несомненной заменой лучшего худшим, каковое — худшее — по временам становилось бы даже истинно-смешным. Содержание собора епископов стоило бы очень немалых денег, ибо каждому из них нужно было бы назначить приличное жалование; между тем при ином с самостоятельным характером патриархе собор не имел бы совершенно никакого значения, и, таким образом, выходило бы, что на ничто тратятся очень большие деньги. Затем, если в настоящее время уже и невозможен второй *Никон**, то нескладные самодуры, способные наделать много неладного, весьма возможны.

Другие стоят за то, чтобы при патриархе был собор епископов, в строгом смысле соправящих ему и ограничивающих его власть. Но этот патриарх, имеющий при себе такой собор, чем бы отличался от первоприсутствующего в Синоде и имеющего при себе собор епископов, кроме одного только имени?

Но желающие упразднения Св. Синода и восстановления патриаршества выставляют против Синода обвинения: во-первых, что с его учреждением Русская церковь поставлена в стесняющие ее жизнь рамки и лишена возможности развернуть всю свою мощь; во-вторых, что с его (Синода) учреждением управление нашей церкви лишено канонической соборности.

Первое обвинение представляют люди, вовсе не знающие Русской церковной истории. Совершенная правда, что Русская церковь не развертывала своей мощи в период синодальный; но столько же правда, что она не развертывала своей мощи и в период патриаршеский, и что в продолжение и всей своей истории она весьма мало развертывала свою мощь. Это, конечно, печальная истина; но, тем не менее, истина несомненная, и винить тут лишь один синодальный период, ссылаясь на какие-то неведомые рамки, было бы совершенно несправедливо. В вознаграждение за прошедшее ничто не помешает приходящей в сознание своего слабосилия и своих недостатков Русской церкви развернуть свою мощь в будущем, и дай Бог, чтобы это случилось!

Второе обвинение предъявляют люди, не знающие не только Русской, но и Греческой церковной истории. Под канонической соборностью они, конечно, разумеют предписанное канонами собирание соборов. Но соборности, в смысле строгого исполнения канонических предписаний относительно собирания соборов, у нас никогда не было, а равным образом и в самой Греческой церкви она давно исчезла.

Можно и весьма должно желать некоторого введения в Русской церкви этой соборности, а именно — чтобы в ней были собираемы соборы не ежегодно, как предписывают каноны и что теперь у нас и не нужно, а по временам, когда или по мере того, как будет являться в них потребность. Но относительно этого желаемого должно быть сказано, что Св. Синод со своим Регламентом вовсе и ни сколько не препятствует осуществлению желания. При Св. Синоде представляющем собою постоянную правительственную коллегия, весьма могут собираться по временам настоящие соборы Русской церкви.

Мысль о восстановлении патриаршества, как будто не возникшая в самой духовной среде, а внушенная ей со стороны (С. Ю. Витте*), с энтузиазмом была приветствована представителями высшей церковной власти, или членами Св. Синода, а также и всеми вообще архиереями, насколько эти последние могли и успели заявить себя. Причину, по которой мысль о восстановлении патриаршества была встречена представителями власти с великой радостью, составляло то, что восстановление это было понято как возвращение господствующей церкви ее самоуправления, которого она лишена, и как ее освобождение из под того гнета государственной власти, под которым она находится. Но великая радость была лишь плодом недоразумения, объясняемого (и извиняемого) тем, что очень неожиданно открыто (указано?) было, захватив людей врасплох, мнимое радикальное средство врачевания всех зол и избавления от всех напастей.

Восстановление патриаршества само по себе вовсе не означало бы возвращения господствующей церкви ее самоуправления: из трех выбранных епископским собором кандидатов один кандидат был бы утверждаем государем, по его усмотрению, в звании патриарха или же и без всякого выбора кандидатов кто-либо прямо назначаем бы был государем в патриархи (так было в Греции), и затем этот утвержденный государем или прямо назначенный им кто-либо управлял бы церковью совершенно при тех же отношениях к государственной власти, при каких управляет ею Св. Синод. Мы хотим сказать, что восстановление патриаршества и возвращение самоуправления господствующей церкви суть две разные и независимые одна от другой вещи. Что же касается до этого самоуправления церкви самого по себе, то, разумея под ним полное освобождение церкви из-под зависимости государству или прекращение всякого между ними союза, одним словом — снятие с православной церкви титула, прав и обязанностей церкви господствующей, государственной (отделение церкви от государства), должно будет сказать, что, может быть, оно когда-нибудь

и случится, но что пока оно решительным образом преждевременно, а желание его крайне легкомысленно, — что в церкви, лишенной охраны государства, могут произойти весьма большие и весьма печальные нестроения (свирепствующие теперь в государстве революционеры постараются и в состоянии будут заварить в церкви, свободной от государственной опеки, такую кашу, какой и представить себе невозможно)... А когда, требуя возвращения церкви ее самоуправления, ссылаются на Византию, в которой будто бы оно было свыше 1000 лет, то, право же защитники самоуправления церкви (какого-то особенного) видели и читали, не говорим — изучали, церковную историю Византии (как и многое другое) во сне, а не наяву...

Под освобождением церкви от гнета государственной власти разумеют то, что в настоящее время управление церковью находится у нас не столько в руках представляющих ее собою членов Св. Синода, сколько в руках представляющего собою государство *обер-прокурора Синода**, — что первые при последнем смотрят чуть не простыми его советниками. Но и здесь — то же, что выше: восстановление патриаршества — само по себе, а ослабление власти обер-прокурора — само по себе, и патриарх весьма может оказаться в такой же зависимости от обер-прокурора (или от представителя государства с иным именем), в какой находятся члены Св. Синода. Что нынешнее положение дела о взаимном отношении между членами Синода и его обер-прокурором далеко не может быть признано нормальным и опробовано, — что ропот членов Синода на такое положение дела далеко не может быть признан напрасным и не может быть осуждаем, совершенно это справедливо (при чем та же справедливость требует заметить, что теперешнее отношение между членами Синода и обер-прокурором вовсе не создано нынешним г. обер-прокурором, а, восходя своим началом к давнему времени, в своей настоящей, так сказать, окончательной, форме обязано собой знаменитому обер-прокурору времени Императора *Николая I** — *гр. Протасову**). Но для установления надлежащих отношений между представительством власти церковной и между надзирающим над этою властью представителем государства нужно не восстановление патриаршества, которое тут не при чем и ничего не сделает, а принятие иных мер, именно — тем или другим способом поставить членов Синода в такое положение, чтобы они имели возможность противодействовать посягательствам на их власть со стороны обер-прокурора.

В заключение остается нам сослаться на авторитет, именно — авторитет покойного *митрополита Филарета**. Не все принад-

лежат к безусловным почитателям м. Филарета; но никто не отрицает его очень большого ума — со столько же большим благоразумием. Так, будучи человеком очень больших ума и благоразумия, м. Филарет высказывался против восстановления патриаршества. В 1856-м году ему прислана была из Петрограда для разбора Записка о состоянии православной церкви в России. В Записке между прочим содержалась жалоба, что Синод остался, т.е. что после Петра он не был упразднен. По поводу этой жалобы он (Филарет) пишет: «Напрасно (жалуется Записка). Хорошо было бы не уничтожать патриарха и не колебать тем иерархии, но восстанавливать патриарха было бы не очень удобно; едва ли бы он был полезнее Синода. Если светская власть начала тяготеть над духовною, почему один патриарх тверже вынес бы сию тягость, нежели Синод? И при вселенском патриархе нужным оказался Синод; и в России есть Синод. Очень ли велика разность в том, что в России первенствующий член Святейшего Синода не называется патриархом?» См. Собрания мнений и отзывов митр. Филарета том IV (Москва, 1886), стр. 145, VIII.

Подавая свой голос против восстановления патриаршества, мы вместе с тем вовсе не подаем голоса против каких бы то ни было реформ в церкви. Напротив, что касается до реформ нужных и полезных, то мы самым решительным образом и горячо стоим за них.

Желая нашей церкви обновления и возрождения к лучшему, мы решительно желаем, чтобы епархиальная власть в ней была не единоличною, а соборною. Положим, что *архиереи** наши, говоря вообще, не злоупотребляют своею единоличною властью вопиющим образом. Но вот частные случаи, которым она дает место и примеры которых всякий из нас знает.

Случается, что архиереями бывают люди очень ограниченные. Такие архиереи при единоличной власти или ведут дела епархиального управления жалким образом, или позволяют себе глупые чудачества, или — что всего хуже — поддаются влиянию их окружающих, так что иногда управление целою епархией оказывается в руках какого-нибудь ничтожнейшего *келейника**.

Случается, и нередко, что архиереи бывают люди с деспотическим характером. Такие архиереи не бывают ли большими или меньшими тиранами духовенства епархии, и не случается ли, что бывают тиранами очень тяжкими и жестокими?

Случается, что архиереями бывают люди, преданные мерзкой страсти сребролюбия, которые употребляют средством к своему обогащению омерзительную *симонию**. Такие архиереи, при единоличности власти имеющие возможность продавать места, до

какой степени позорят и унижают в своем лице сан архиерейский!

Но есть и общее, очень важное, заставляющее желать возвращения от единовластия к древней соборности. Единовластие непременно делает людей более должного властительными, что действительно и составляет характеристическую черту отношений наших архиереев к их подчиненным. Не весьма ли желательно то, чтобы мы могли представлять себе наших архиереев не в образе малодоступных грозы и величия, а в образе привлекающих к себе простоты и кротости.

Наконец, желательно возвращение от единовластия к соборности, желательно не столько по причине зла, которое происходит от первого, сколько в виду пользы, которой есть все право ожидать от последней. Если управление епархией представляет из себя мертвую, один раз заведенную, машину, как это теперь, то епископу, конечно, не о чем с кем-либо совещаться; но если оно должно представлять из себя живое хозяйство, в котором кипят многообразные нужды, как это желательно, тогда удовлетворительное ведение управления возможно будет только при соборности.

*Духовные Консистории**, хотя и не представляют из себя настоящих присутственных мест, но подобно другим присутственным местам, имеют свои канцелярии.

Как всякий знает, очень велика и очень громка своеобразная слава этих канцелярий. До не особенно давнего времени все наши присутственные места были очень грязны; но грязнее Консисторий по их канцеляриям не было. Другие присутственные места сполна или не сполна вымылись, а Консистории по их канцеляриям... Нас уверяют, что в некоторых епархиях канцелярии Консисторий в настоящее время уже вовсе не то, что были прежде. Готовы этому верить и искренно этому радуемся, но имеем решительные основания думать, что во многих еще епархиях все остается по-старому, за исключением разве только того, что по-мнее внешней грязи.

Пора преосвященным архиереям и высшему духовному начальству подумать о том позоре, который причиняют церкви эти канцелярии Консисторий. Преосвященные архиереи, кажется, успокаивают себя тем, что грязь канцелярий Консисторий — дело домашнее, что про это знает только одно духовенство. Они весьма ошибаются. Всякий мирянин, хоть один раз побывавший по нужде в Консистории, не забывает этого во всю жизнь и делается громким проповедником ее славы. Весь мирской мир ведает о Консисториях чрез приходских церковных старост, которые обя-

занностями службы поставляют в возможность иметь полные сведения о Консисториях.

Характеристическую черту нашего епархиального управления с древнего времени составляет то, что у нас слишком обширны епархии. После первоначального учреждения при *св. Владимире** не более как 7-ми епископских кафедр на всю страну, епархии наши представляли из себя потом, вплоть до XVIII века, чрезвычайно обширные области. В настоящее время, когда церковная администрация приравнена у нас к гражданской таким образом, что гражданские губернии суть церковные епархии, эти последние представляют из себя также очень обширные области.

Наши порядки в сем отношении устроились совершенно противно тому, как это было в Греции. В первенствующей христианской церкви каждая частная церковь непременно имела своего епископа во главе собора пресвитерского, а под частною церковью разумелось всякое селение или всякая совокупность селений, представлявшая из себя приход, причем только каждый город, — малый или большой, — представлял из себя одну частную церковь, а не несколько частных церквей (один приход, а не несколько приходов). По этому первоначальному порядку имели своих епископов не только непременно все города (каждый, как самый большой, так и самый малый, по одному), но непременно и все деревни или совокупности деревень, представлявшие из себя приходы. Впоследствии времени, начиная с начала IV века, уничтожены были епископы деревенские (хорепископы) и оставлены одни городские, но оставлены были все, так что на дальнейшее время после этого уничтожения стало правилом и основным законом церковного управления, чтобы не было епископов в деревнях (селах) и посадах, но были они непременно во всех уездных городах. В отношении к централизации церковного управления в церкви Греческой было устроено с епископиями так, что каждая гражданская губерния должна представлять из себя одно церковное административное целое или одну частную церковь: в каждом уездном городе губернии — епископ, имеющий своим округом уезд; в стольном или главном городе каждой губернии — митрополит имеющий под своею властью епископов губернии.

